

Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.)

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ДАНИЛОВ

Одной из главнейших особенностей истории России со второй половины XIX века стали аграрные преобразования, принимавшие характер то реформ, то революций, но возобновлявшиеся вновь и вновь в среднем через два десятка лет: известная „крестьянская реформа“ начала 60-х годов; реформаторское законодательство Н.Х.Бунге первой половины 80-х годов; первая русская революция 1905–1907 гг. и порожденная ею столыпинская реформа 1906–1915 гг.; Великая аграрная революция 1917–1922 гг.; сталинская коллективизация начала 30-х годов; колхозные реформы Н.С.Хрущева в конце 50-х – начале 60-х годов и, наконец, постсоветская аграрная реформа Горбачева-Ельцина 90-х годов. Этот событийный ряд говорит о крайней болезненности аграрного вопроса для России: сколько раз его объявляли наконец-то окончательно решенным, а он возникал опять с еще большей остротой. Сказанное заставляет взглянуть на процесс аграрного развития России последних полутора веков в целом. Исследования, проведенные современниками и историками, позволяют предпринять такую попытку и увидеть, что перечисленные мною аграрные „перестройки“ – суть потрясения крестьянской страны, вступившей на путь освобождения от крепостничества и одновременно индустриально-рыночной модернизации. Не все из этих потрясений были неизбежными. Некоторые из них могли и не быть. Однако все они своим характером, происхождением и результатами связаны с социальными переменами, возникающими в процессе названного типа модернизации.

Исторические судьбы страны второго или даже третьего „эшелона“ перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь догоняющего развития, усиливали роль и без того гипертрофированной государственной власти. Придавленность общества самодержавной властью, ограниченная возможность спонтанных изменений многое объясняют в ходе и исходе российских реформ. Бросается в глаза **сильнейшее влияние посторонних интересов** (государственных, господствующих классов и т.п.) – посторонних тем задачам, которые реформы были призваны решать. С этим была связана прежде всего их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в „соревновании“ стран, идеологическими устремлениями – самодержавно-патриархальными, социалистическими или, как ныне, либерально-буржуазными.

Названные особенности в полной мере проявились в реформе 1861 г., положившей начало ликвидации крепостной зависимости крестьян от помещиков. Если обратиться к историческим реалиям, то перед нами возникает картина растянутого, мучительного для крестьян процесса. Из многих ущемлений крестьян в пользу их бывших владельцев решающее значение имели выкупные платежи за освобождение, „отрезки“ земли и „временно-обязанное состояние“ – состояние полукрепостной эксплуатации. В этих условиях ни помещичьи, ни крестьянские хозяйства не встали и не могли встать на путь подъема и модернизации. Эгоизм дворянства, неспособность

отказаться от феодального права ничего не делать, хозяйственная бездарность привели к замораживанию системы отношений, которая мыслилась как переходная к новому, а оказалась продолжением старого. Неурожаи, голодовки не позволили крестьянам в массе своей начать выкупные платежи. „Временнообязанное состояние“ затянулось надолго, пока 28 декабря 1881 г. не был издан закон об обязательном выкупе с 1 января 1883 г. Выплата „выкупных“ за свободу от помещичьей власти была рассчитана на 49 лет и продолжалась бы 1931 г. включительно.

С прекращением „временнообязанного состояния“ встал вопрос о дальнейших путях и формах развития сельской жизни. Именно тогда министром финансов Н.Х.Бунге было предложено предоставить крестьянству возможность выхода из общины и организации подворно-участкового землепользования – то, что впоследствии стало главным в земельной реформе П.А.Столыпина. Осуществлению этой большой реформаторской идеи весьма способствовали бы меры, уже осуществленные Бунге в 1882 г., – отмена подушной подати и создание Крестьянского банка, призванного способствовать „распространению частной поземельной собственности между крестьянами“ путем покупки земли у помещиков и государства. Об осуществленных и предлагаемых мерах Н.Х.Бунге не принято говорить как о реформе. Между тем, перед нами практически начатая крупнейшая аграрная реформа, направленная на создание условий для органического развертывания процессов модернизации крестьянского хозяйства – основной формы сельскохозяйственного производства в России*.

Имеется достаточно оснований считать, что реализация начатой Н.Х.Бунге реформы могла быть успешной. Впереди было время, необходимое для того, чтобы заложить основы новых социально-экономических структур в деревне, выйти на путь интенсивной модернизации сельского хозяйства. Однако это обрекало бы дворянство на довольно быстрое вытеснение из экономической жизни деревни. За 20 лет „временнообязанного состояния“ крестьян оно ничего не поняло и ничему не научилось. Предложения Н.Х.Бунге были отвергнуты. Начинаясь полоса контрреформ, усилившей и власть помещиков в деревне, и прикрепление крестьян к земле. **„Победоносцев над Россией простер совиные крыла“** (А.Блок).

Характерно, что контрреформы были направлены именно против новых тенденций в аграрном вопросе. Для деревни контрреформы означали укрепление власти общины над своими членами через ужесточение круговой поруки и ограничение выхода крестьян из общины, вновь усиливая фактическое прикрепление крестьянства к земле, что должно было, по мысли царской бюрократии, предупредить образование „языв пролетариата“ и связанной с ней революционной угрозы. В ходе контрреформ (14 декабря 1893 г.) было отменено даже весьма ограниченное разрешение на выход крестьян из общины, содержавшееся во 2-ой части ст.165 Положения 1861 г. Это вполне соответствовало и экономическим интересам помещиков.

Контрреформы были призваны вместе с тем увековечить прямое политическое господство помещиков в деревне. С введением в 1889 г. института земских начальников жизнь крестьян отдавалась под контроль и управление представителей местного дворянства. Картина положения крестьянства в пореформенной России будет неполна, если не сказать о праве административной (без суда) высылки неблагонадежных крестьян и, наконец, о таком позоре, как сохранявшиеся в деревне телесные наказания – прямой пережиток крепостного рабства.

Россия вступила в XX век с полукрепостническим режимом в деревне и,

* Отмечу в этой связи значение исследования В. Л. Степанова „Н. Х. Бунге. Судьба реформатора“. (М., 1998).

следовательно, – с нараставшей необходимостью новых реформ, – промедление с которыми делало неизбежным революционный взрыв. Он и произошел, причем именно в деревне. Совершенно неожиданно и для самодержавия, и для революционеров – по черноземной полосе Украины и России в 1902 г. прокатилась волна крестьянских восстаний, сопровождавшихся захватами помещичьих земель, поджогами усадеб и т.п. Особенности крестьянских выступлений 1902 г. состояли не только в их массовости и радикализме в отношении к помещикам, но в небывалой ранее полной отчужденности от власти, в утрате каких бы то ни было надежд на справедливость при существующем строе. В 1902 г. на историческую арену выступил **новый крестьянин – крестьянин эпохи революции**. В России начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г.

Смысл этой самой массовой, подлинно народной революции состоял в проведении широких демократических преобразований, но главное – в ликвидации помещичьего землевладения, в замене частной земельной собственности общенародной с передачей всей земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом. Такая устремленность крестьянства выявилась со всей очевидностью в самом начале 1905 г. К весне 1906 г. она превратилась в осознанную и достаточно широкую программу крестьянской революции. Этому способствовали петиционная кампания и массовое составление наказов депутатам, избираемым в Государственную думу, послужившие для деревни небывалой политической школой – школой осмысления своего положения в обществе и формулирования своих требований к обществу. Это положение оценивалось в наказах такими словами, как: „разорение“, „нужда“, „голод“ и „холод“, „несчастное“, „безнадежное“, „подневольное“, „угнетенное“... Эти требования в конечном итоге сводились к одному: „чтобы вся земля немедленно была объявлена собственностью всего народа“ и бесплатно передана „в уравнильное пользование тем, кто трудится на ней“¹.

Выступления крестьянских депутатов на заседаниях Государственной думы, особенно I-й и II-й, были пронизаны решительным отрицанием законности помещичьего землевладения. Историческая память деревни еще хранила время и последовательность появления на землях крестьян и помещиков, часто с большой точностью. Со времени массовых раздач „в крепость“ земель вместе с живущими на них крестьянами прошло немногим больше века. Приведу характерное высказывание одного из крестьян-трудовиков на заседании II-й Думы: „Мы знаем, откуда помещики взяли землю. Платили ли они за нее? Обрабатывали ли ее? Еще ни один помещик не сказал: «Я приобрел землю так или иначе и жил на ней раньше крестьян». Нет, мы, крестьяне, раньше помещиков поселились на земле, сами обрабатывали ее и возделывали собственными руками...“

Крестьянская революция в России с самого начала двигалась именно к такому решению аграрного вопроса. Самодержавная бюрократия пыталась остановить ее уступками и обещаниями. И это выявилось при первом социальном взрыве в деревне: в феврале 1903 г. было провозглашено обещание облегчить крестьянам выход из общины, в марте 1903 г. ликвидирована круговая порука, а в августе 1904 г. отменены наконец телесные наказания крестьян (хотя опять-таки неполностью). 1905 год вырвал у крепостников новую – и, пожалуй, главную – уступку: в ноябре было объявлено о прекращении взимания выкупных платежей с 1907 г. и об уменьшении наполовину их суммы в 1906 г. Недоимку же прошлых лет крестьяне продолжали выплачивать до 1917 г. Все же с одним из наследий „великой реформы“ было, наконец, покончено. Это завоевание революции касалось всех крестьян без исключения – бывших помещичьих, удельных, казенных...

Двигателем социального прогресса становилась революция. Сказанное отнюдь не означает согласия с известным утверждением о том, что „реформы есть побочный продукт революции“. История свидетельствует о предпочтительности для общества реформаторских решений объективно назревших проблем. Революция приходит, если общество, прежде всего, государственная власть оказываются неспособными решать такие проблемы с помощью реформ.

Именно революционный взрыв 1902 г. возобновил реформаторскую деятельность самодержавной бюрократии. Вслед за названными частными (хотя и важными) мерами в конце 1904 г. по инициативе С.Ю.Витте вспомнили о предложениях Н.Х.Бунге, то есть о реформе крестьянского землепользования посредством замены общинных порядков подворно-участковым. На протяжении 1905 – начала 1906 гг. готовились документы будущей аграрной реформы, вошедшей в историю под именем столыпинской. Поэтому-то назначенный премьер-министром в июле 1906 г. П. А.Столыпин смог уже 9 ноября того же года провести указ, положивший начало реформе. Разработка основных законодательных актов, обсуждение в Государственной Думе и их принятие потребовали еще немало усилий и времени: закон о крестьянском землевладении и землепользовании был принят 14 июня 1910 г., закон о землеустройстве – 29 мая 1911 г. Эти три законодательных акта и составили юридическую основу аграрной реформы.

П.А.Столыпин был последним крупным государственным деятелем самодержавно-помещичьей России, и именно ее программу он пытался осуществить. Эта программа была четко изложена в верноподданической записке П.Н.Балашова – одного из лидеров „Совета объединенного дворянства“ в начале 1906 г. (опять-таки до назначения Столыпина премьер-министром): отдать „крестьянам их земли“, дополнить незанятой казенной землей на колонизируемых окраинах и той землей, которую помещики захотят продать в порядке „любимой“ (рыночной) сделки. В этой связи отмечу, что и вспыхнувшая вдруг ненависть к общине, и смена по отношению к ней охранительной политики на разрушительную были вызваны заботой не о будущем процветании России, а о сохранении помещичьего землевладения, поскольку в 1902–1906 гг. община проявила себя в качестве организации массовых антипомещичьих выступлений.

Столыпинская аграрная реформа действительно явилась одним из важнейших событий в истории России начала XX в. Она активно содействовала уже происходившему в стране становлению капитализма. Реформа была призвана произвести расчистку крестьянских земель от „слабых“ в пользу „сильных“, решить наконец задачи первоначального накопления капитала в деревне, причем решить радикальными средствами, прямым разрушением общины.

Такая оценка столыпинской реформы в советской историографии обычно связывалась с ленинской позицией. Взгляды иных политических течений в русской общественной мысли замалчивались. Между тем, заглянув в произведения, допустим, кадетских авторов-ученых (например, А. А. Кауфмана), мы обнаружим буквальное совпадение отрицательных оценок как социальных целей реформы, так и методов ее осуществления. Есть все основания говорить, что в общественном мнении России преобладало отрицательное отношение к столыпинской аграрной реформе. Крестьянством же реформа воспринималась как насилие. Свидетельств этому очень много и в виде крестьянских жалоб или обращений в прессу, и в виде прямых протестов. Наиболее важным из них, пожалуй, следует признать отказ II-ой Государственной думы утвердить столыпинский указ от 9 ноября 1906 г., что и привело к ее разгону. Чтобы утвердить этот указ, потребовался „третьиюньский переворот“ 1907 г. и избрание новой Думы, где голоса крестьянских представителей почти не

были слышны. Конечно, все такого рода свидетельства легко представить результатом революционной пропаганды, эсеровского влияния и т.п. Поэтому я сошлюсь на выступление члена Государственного Совета Д. А. Олсуфьева на заседании этого Совета 22 марта 1910 г. На местах происходит, говорил Олсуфьев, „отнодь не созидательный процесс хуторского устройства и личной собственности, а происходит успешный процесс разрушения общины... Бессовестная агитация заставляет крестьян думать, что у них отберут землю, если они не выступят из общины. Этот характер развития... заставляет ожидать скорой реакции на это положение в деревне, ибо неминуемо последует обратное движение маятника“. Олсуфьев призывал „к осторожности, к отсутствию излишнего энтузиазма“.

Подчеркивая фактическую принудительность реформы в области земельных отношений, мы должны отметить, что эта принудительность не приняла всеобщего и исчерпывающего характера, что реформаторы не встали на путь безудержного форсирования (как это случилось в годы сталинской коллективизации). Больше того, при установке реформы на индивидуальные формы крестьянского землепользования – хуторские и отрубные, не исключались развитие „прогрессивной общины“ и даже организация коллективного земледелия (для неимущей части деревни). Ограниченность принуждения и использование различных форм экономической поддержки (кредит, кооперативные формы торгового обмена и др.) объясняют продолжавшийся рост сельскохозяйственного производства в годы реформы, хотя и замедлявшийся по сравнению с предыдущим временем.

Столыпин говорил, что для преобразования России нужны по крайней мере 20 лет „покоя“. Этого срока было бы явно недостаточно: за 10 лет реформы из общины уходило, по самым щедрым расчетам, по 1% крестьянских дворов в год. Общая численность крестьян-подворников выросла с 23% в 1905 г. до 30–33% в 1916 г.² При всем возможном ускорении, времени на реформу потребовалось бы намного больше. Да и „покой“ был невозможен, ибо Россия не могла не участвовать в первой мировой войне, что с неизбежностью обрекало народные массы на крайние бедствия, отчаяние и озлобление.

Результатом столыпинской аграрной реформы, если бы она осуществилась, явились бы окончательное поражение крестьянства в борьбе за землю и за свободное развитие своего хозяйства, полное утверждение в России капитализма помещичьего типа и пауперизация основных масс сельского населения. Историки долго еще будут спорить о том, насколько значительными и перспективными были созданные тогда хуторские и отрубные хозяйства как форма сельскохозяйственного производства. Конечно, среди них были и вполне благополучные хозяйства, о которых писала официальная пресса, которые посещались чиновниками и даже царем. На информации о „маяках“ расписывались и успехи реформы в целом. Однако единственный массовый материал о положении „землеустроенных хозяйств“, полученный в результате их опроса в 1913 г., дает иную картину. На территории 12 уездов, где реформа имела наиболее заметные результаты, из 17 567 хозяйств оказалось 3384 (19,3 %) „опавших“ и выбывших из учета. Среди оставшихся на учете 2607 хозяйств не имели рабочего скота, 2364 сдавали свою землю в аренду. Способными наладить рациональное производство были признаны лишь 2315 (16,3%) хозяйств³. Самым массовым социальным продуктом реформы оказались разорившиеся и выбрасываемые из сельской жизни – взявшие земельный надел в собственность, чтобы продать его, „обратники“ из переселенцев и др., то есть все те, кто утрачивал место в деревне и кого не принимал и не мог принять город.

Практически столыпинская аграрная реформа не могла решить поставленную

задачу, потому что было уже поздно. Больше того, административно-принудительные методы осуществления реформы только ускоряли революционный взрыв, а ее массовый социальный продукт явился той силой, которая сыграла активную роль в 1917–1920 годах. Не случайно, что уже в июле 1917 г. Временное правительство, стремившееся оттянуть решение земельного вопроса до Учредительного собрания, оказалось вынужденным фактически отменить столыпинское земельное законодательство.

Эпоха первоначального накопления капитала чревата социальными взрывами. Они имели место во всех странах, когда там совершался этот процесс. Однако, во-первых, в развитых странах Европы эта эпоха пришлось на XVI–XVIII вв., в России же – на конец XIX–XX в., что само по себе резко обострило социальную реакцию на все то, что входит в понятие „первоначальное накопление капитала“. В XX в. оказались невозможны те способы подавления социального протеста, которые сходили с рук в XVI или XVII вв. Во-вторых, первоначальное накопление не исчерпывало происходившего в России начала XX в.: здесь мы сталкиваемся с феноменом наложения разных социальных эпох – и предшествующих первоначальному накоплению (натурально-общинный крестьянский мир), и сменивших его (развитые формы капитализма в промышленности). Революционные взрывы 1905 и 1917 гг. были взрывами народного отчаяния эпохи первоначального (примитивного, грабительского) накопления капитала, в которые наслоение эпохи промышленного капитализма внесло мощный социалистический потенциал. Отсюда их ярко выраженная антикапиталистическая (а не только антифеодалная) направленность с реализацией в конечном итоге не вполне социалистической программы.

Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и в 1917 г. Аграрное движение, начавшееся ранней весной, к осени переросло в крестьянскую войну против помещиков и слилось с пролетарской революцией. Что бы ни говорили нынешние критики Октябрьской революции, она совершилась именно как народная революция и прежде всего осуществила требования крестьянства – ликвидацию помещичьего землевладения и передачу сельскохозяйственных земель в пользование тех, кто ее обрабатывает своим трудом. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам. Как ни сложно складывались отношения большевиков и крестьянства, они фактически носили характер „военно-политического союза“. Крестьянские восстания против советской продразверстки, против разных мобилизаций, против попыток коллективизации и т.п. были постоянным явлением, но лишь до тех пор, пока не появлялась белая опасность. С ее устранением союзники вновь оказывались лицом к лицу.

Крестьянская революция заставила большевиков отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. Социалистическое (точнее: военно-коммунистическое) земельное законодательство 1918–1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского Наказа 1917 г.

Передача практически всех сельскохозяйственных земель в трудовое пользование крестьянства и их уравнительное перераспределение означали, во-первых, „осередничивание“ крестьянских хозяйств, натурализацию производства, ослабление рыночных связей. Во-вторых, совершилось возрождение общины, которая в 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель. В известном смысле можно говорить вслед за Л.Н.Крицманом и рядом других экономистов 20-х годов об

„экономически реакционных“ результатах аграрной революции в России или вслед за М. Л. Левиным об „архаизации“ послереволюционной структуры общества. Однако при том нельзя забывать о том, что из аграрной структуры были устранены помещики (а они были главными носителями архаики), что крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не архаичны, что с переходом к нэпу возобновился процесс социального расслоения деревни, но уже как органический, без насильственной экспроприации бедных богатыми. Главное все же состоит в том, что итоги революции в деревне не исчерпывались архаизацией.

Россия подошла к 1917 г. с развитой системой кооперации и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни. Русское общество в кооперации нашло пути преодоления тех социальных трудностей, которые неизбежно сопровождают модернизацию экономики на основе индустриализации. Для аграрной страны особенно важной являлась возможность включения в рыночную экономику с помощью кооперации огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Не случайно быстрый рост кооперации в России – явление именно XX-го века, когда рыночные отношения достаточно глубоко проникли в толщу крестьянских хозяйств. Процесс кооперирования, по Чаянову, а вслед за ним и по Ленину–Бухарину, позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, выделить и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, где это давало несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне – в своих интересах и в меру реальных возможностей – определяли степень и формы организации крупного общественного производства. Практика и до- и послереволюционного времени подтверждала высокие возможности кооперирования крестьянских хозяйств. Это был реальный преобразовательный процесс, который мог послужить действительной альтернативой и первоначальному накоплению капитала „сильными“ за счет „слабых“, и сталинской коллективизации.

Научная историография смогла обратиться к проблеме альтернатив сталинизму лишь в самом конце 80-х годов. Ельцинский антисоветский переворот с неизбежностью „отбрасывал“ эту проблему, всей своей идеологией и практикой утверждая собственную безальтернативность. Напомню конференции середины 90-х годов, проходившие под девизом „Никакого нэпа не было!“ Теперь положение изменилось, о чем свидетельствует появившееся 5-ти томное издание „Как ломали нэп“⁴, в котором публикуются в полном объеме стенограммы и все сопутствующие документы пяти пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Эти материалы вносят ясность в понимание нэпа противостоящими направлениями в руководстве партии и страны, показывает, какие проблемы и как ими ставились и решались, к каким следствиям для страны, для живущих в ней людей вели избравшиеся пути и средства. Названное издание дает ценнейший материал для исследования одной из узловых проблем в истории советского общества.

Сталинский вариант решения проблем модернизации социально-экономической структуры не был единственно возможным и неизбежным, хотя, разумеется, он имеет свое объяснение и в отсталости России, и в необходимости ускоренной индустриализации, и в образовании бюрократической командно-репрессивной диктатуры, стоящей над обществом и опирающейся на демагогию и насилие. В известном смысле можно сказать, что сталинский вариант накопления капиталов для индустриализации путем катастрофического разорения и беспощадной эксплуатации деревни явился историческим наказанием крестьянству и стране в целом за противодействие объективно необходимому процессу первоначального накопления и товарно-капиталистической модернизации.

Конкретный ход насильственной коллективизации и ее разрушительные последствия сейчас достаточно известны: раскулачивание и высылка в концентрационные лагеря и спецпоселения наиболее состоятельной и рыночной части крестьянства; система полупринудительного труда для его основной массы; концентрация техники и квалифицированных кадров в системе машинно-тракторных станций, обслуживавших колхозы за весьма высокую натуроплату; отказ от эквивалентного обмена и изъятие колхозной „товарной“ продукции государством по заниженным, часто символическим ценам; организованный голод 1932–1933 годов и полуголодное существование во многие последующие годы; замедленное развитие сельскохозяйственного производства. Колхозная система оказалась подчиненной государственному диктату, фактически превратилась в организацию по выкачке сельскохозяйственной продукции на нужды промышленного развития, обороны, культуры... и меньше всего на нужды самой деревни. Эта система смогла выдержать жесточайшие испытания войны, но не могла обеспечить выход сельского хозяйства из полуразрушенного войной состояния, не говоря уже о необходимом подъеме. Кооперативные начала в колхозах были сведены к форме. Их способность к саморазвитию не реализовывалась.

Хрущевские реформы 50-х – начала 60-х годов были направлены на постепенный вывод колхозов из-под государственного диктата и создания условий для их развития как самостоятельных хозяйств, действующих в условиях регулируемого рынка. Этому должна была способствовать ликвидация системы МТС и переход к продаже техники в собственность колхозам с 1959 г. В 1957 г. было объявлено о предстоящей отмене обязательных поставок колхозной продукции государству и даже проведена отмена таковых с 1 января 1958 г. для личных подсобных хозяйств. Однако осуществить эту главную реформаторскую акцию Хрущев не посмел, как не пошли на это и все последующие правители Советского Союза, включая Горбачева. Менялись наименования, но суть сохранялась – обязательные поставки продукции государству по заниженным ценам. Они были отменены лишь с заготовок урожая 1994 г.

Главное сталинское наследие в колхозной системе сохранялось, а тем самым сохранялась и нарастала необходимость дальнейших аграрных реформ, которые бы завершали начатое Хрущевым. Именно так воспринимался и специалистами, и обществом в целом курс на „перестройку“ в 1985–1989 гг.

В 1989 г. в публицистике возникла тема принципиально новой аграрной реформы. В начале 1990 г. ЦК КПСС была создана Комиссия по вопросам аграрной реформы под председательством М.С.Горбачева. Я не стал бы упоминать об этой комиссии, если бы не одно важное обстоятельство: весной 1990 г. в дискуссиях на комиссии началось обсуждение замены колхозов и совхозов хозяйствами фермерского типа и, главное, перехода к частной собственности на землю⁵. Поэтому я считаю возможным современную аграрную реформу называть горбачевско-ельцинской, хотя практически она началась после августа 1991 г., когда Горбачев уже не имел влияния на ход событий, а упомянутая комиссия прекратила существование. (Я не буду касаться здесь принятия 22–23 ноября 1990 г. Верховным Советом РСФСР законов „О крестьянском (фермерском) хозяйстве“ и „О земельной реформе“, поскольку реального значения они не имели, да и предназначены были лишь для демонстрации готовности республиканских политических лидеров осуществить такие реформы раньше и радикальнее, нежели на это решались лидеры союзные).

Вопросы „всеобщей фермеризации“ сельского хозяйства стали обсуждаться и в прессе, и в научных учреждениях. С достаточной убедительностью говорилось об отсутствии современной техники для хозяйств фермерского типа, об отсутствии инфраструктуры, о необходимости многообразия хозяйственных форм в соответствии

с местными условиями и волею тружеников деревни, о поэтапной перестройке отношений между государством и сельскохозяйственным производителем. С достаточной ясностью говорилось и о том, что всеобщая „фермеризация“ в современных российских условиях будет с неизбежностью означать одновременно и падение производства, и социальное расслоение, сопровождаемое выбрасыванием из сельского хозяйства огромной массы тружеников, теряющих одновременно и землю, и работу. Однако все эти голоса оказались „гласом вопиющего в пустыне“.

Обращаясь к осуществляемой ныне аграрной реформе, нужно прежде всего сказать о том, что ее сущность определяется и *даже исчерпывается заменой одних форм социальной организации сельского хозяйства другими, задачи же роста сельскохозяйственного производства и обеспечения населения продовольствием вообще не ставились*. Все это перепоручалось „прекрасному будущему“.

Новая – антиколхозная – аграрная реформа, осуществлявшаяся как „революция сверху“, началась со взрыва бюрократического экстремизма. 27 декабря 1991 г. появился президентский указ „О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР“, которым предписывалось колхозам и совхозам до 1 марта 1992 г. принять решения о замене общественной собственности на землю на частную в любой ее форме – индивидуальной, кооперированной или акционерной... Волна крестьянских протестов и на этот раз заставила пересмотреть отведенные сроки и даже разрешить (!) колхозам и совхозам сохранить по воле трудовых коллективов свой правовой статус до следующей зимы...

Зима 1992-1993 гг. должна была стать решающим этапом аграрной реформы. 13 января 1993 г. газета „Известия“ опубликовала короткую статью с длинным, но очень выразительным заголовком – „Последний месяц, когда крестьянин еще может сделать выбор: стать хозяином земли или отказаться от этого права“. Статья объявляла начало новой атаки на мужика. Напоминалось, что срок для „переоформления документов на землю“ закончился в ноябре 1992 г., что прогленный Верховным Советом срок истекает 1 февраля 1993 г. и, следовательно, у крестьянина „остаются считанные дни“. Колхозные и совхозные коллективы, отказавшиеся „принять от государства землю в собственность“ и на этом прекратить свое существование, пожинают „последствия такого решения“ – три удара и „один парадокс“. „Первый и наиболее сильный удар – по пенсионерам“ – они „навсегда лишаются права на земельную собственность“, а могли бы стать „владельцами солидного капитала“; „второй удар – по работникам социальной сферы села“ (учителям, врачам и др.), чей „отказ от раздела земли“ означает потерю права „стать владельцами земельного капитала“; наконец, „третий удар по самим работникам колхозов и совхозов“, которые без „перерегистрации своего статуса“ и выделения земельно-имущественных паев теряют все, ибо „если пая нет, то его ни наследовать, ни арендовать, ни продать, естественно, нельзя“. „Парадокс“ же был изложен в форме предупреждения: „не придется ли в скором времени тем, кто отказывается ныне от собственности, выкупать ее у государства?“ Парадоксальной глупостью колхозников объявлялось их непонимание главного смысла реформы: сохраняя „свой прежний статус, [они] обрекают себя на положение наемных работников“. Статья завершалась грозным предостережением: „Идет последний месяц реорганизации. Еще не поздно одуматься (!!!) тем, кто принял ошибочное решение“.

Открытое давление на работников сельского хозяйства, прямая угроза беспощадного обезземеливания тех, кто еще не „одумался“, само по себе обнаруживало сущность земельной реформы, подчиненной задачам первоначального капиталистического накопления и проводимой средствами традиционного бюрократического радикализма. Очередная атака на мужика была вновь прервана

Верховным Советом, что сыграло свою роль в противостоянии с президентской властью и в осенних событиях 1993 г.

К этому времени многое прояснилось. Нагляднее всего выявились разрушительные последствия общей экономической политики. „Обвальная“ реформа, по рецептам „чикагской школы“, означала катастрофический распад всех отраслей народного хозяйства, но тяжелее всего она ударила именно по сельскому хозяйству: освобождение цен на товары и услуги не только не устранило, но еще больше усилило неэквивалентность обмена между городом и деревней. Это обнаружилось сразу же. За 1992–1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко – в 63 раза,... а на бензин – в 324 раза..., на трактор К-700 – в 828 раз, на трактор Т-4 – в 1344 раза... Исторические оковы на сельском хозяйстве России не только не снимались, но неизмеримо потяжелели. Все формы сельского хозяйства стали убыточными. Начался катастрофический спад производства. Перед обществом возникла *проблема выживания*, когда никакие реформы уже невозможны.

Казалось, признанием провала и стремлением исправить ситуацию явился указ от 27 октября 1993 г. „О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России“. Об этом говорило прежде всего признание „...многообразия форм собственности на землю, равноправного развития различных форм хозяйствования, самостоятельности сельских товаропроизводителей и усиления государственной поддержки агропромышленного комплекса“. Соглашались и с тем, что выделение земельных участков для новых форм хозяйства должно проводиться „с учетом требований рационального и компактного землепользования...“ Можно было бы сказать: „Наконец-то, реформа обретает «человеческое лицо»!“ Наконец-то, работники сельского хозяйства становятся творцами новых форм жизни!“

Однако указ этот был скроен по модели „троянского коня“, ибо его сердцевина, его сверхзадача состояла именно в разрушении объявленных равноправными различными форм хозяйства. Указ объявлял: „Каждому члену коллектива..., которому земля принадлежит на праве общей собственности... выдается свидетельство на право собственности на землю... с указанием площади земельной доли...“. Этим свидетельством член коллектива может воспользоваться в любой момент „без согласия других собственников“ для ведения индивидуального хозяйства, „сдачи в залог и аренду“, обмена, получения „стоимостного выражения“ (продажи?) и многого другого. На всех языках мира меры такого рода называются развязыванием и поощрением низменных страстей... Не удивительно, что очередная зима никак не отозвалась на новый указ.

Весной 1994 г. началось осуществление в качестве образца „нижегородской модели“ ускоренного проведения аграрной реформы: выдача свидетельств о праве собственности на доли..., аукцион как способ распределения общего имущества на доли по свидетельствам и, сразу же, передача аукционного „выигрыша“ в натуре собственникам. В апреле-июле правительство России приняло ряд постановлений, направленных на повсеместное осуществление именно „нижегородской модели“ - „О практике аграрных преобразований в Нижегородской области“, „О реформировании сельскохозяйственных предприятий с учетом практики Нижегородской области“, форсирующих передачу земли в торговый оборот. Все эти пути не нашли активной поддержки в деревне, поскольку их разрушительное воздействие на сельскохозяйственное производство проявилось сразу и самым грубым образом. Не удивительно, что уже к 1995 г. понятие „нижегородская модель“ вышло из употребления и вскоре забылось.

Вот сведения официальной статистики, дающие в целом весьма смягченную картину происходящего. Поступление машинной техники упало так сильно, что речь идет

о ликвидации современной материально-технической базы в сельском хозяйстве, созданной с таким трудом за 50–60 лет. В 1990 г. сельскохозяйственное производство получило 143,7 тыс. тракторов, в 1995 – 9,7 тыс., поступление грузовых автомашин сократилось за это время с 97,6 тыс. до 4,7 тыс., зерноуборочных комбайнов – с 38 тыс. до 4,4 тыс., картофелеуборочных комбайнов – с 4 тыс. до 0,2 тыс., доильных установок – с 23,6 тыс. до 0,4 тыс. Использование минеральных удобрений, в которых всегда испытывался недостаток, уменьшилось с 9,9 млн тонн в 1990 г. до 1,5 млн тонн в 1994 г. Соответственно изменились и показатели производства сельскохозяйственной продукции: валовые сборы зерновых упали с 116,7 млн тонн в 1990 г. до 63,4 млн тонн в 1995 г., сахарной свеклы – с 32,3 млн тонн до 19,1 млн тонн, льна-волока – с 102 тыс. тонн до 69 тыс. тонн... И только картофель дал прирост: с 30,8 млн тонн в 1990 г. до 39,9 млн тонн в 1995 г. Радоваться этому росту не приходится – увеличение производства „второго хлеба“ призвано возместить растущее недопроизводство зерновых. Характерно, что увеличение производства картофеля происходит на фоне практически полного прекращения использования картофелеуборочной техники. Главным орудием труда в картофелеводстве стала опять лопата.

Может быть наибольшими были потери в животноводстве и производстве мясомолочной продукции. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 57 млн на 1 января 1991 г. до 39,7 млн на 1 января 1996 г., поголовье свиней – с 38,3 млн до 22,6 млн, поголовье овец и коз – с 58,2 млн до 28 млн. Соответственно сократилось производство мяса – с 10,1 млн тонн за 1990 г. до 5,8 млн тонн за 1995 г., молока – с 55,7 млн тонн до 39,2 млн тонн, яиц – с 47,5 млрд штук до 33,8 млрд⁶.

Последующие годы не принесли перемен в лучшую сторону. Напротив, продолжалось дальнейшее падение всех показателей сельскохозяйственного производства, а, следовательно, и дальнейшее ухудшение питания и здоровья населения, рост смертности и снижение рождаемости, депопуляция, то есть вымирание населения.

Несмотря на это, в программах реформаторов до самого последнего времени не прибавлялось ясности о путях и возможностях развития сельскохозяйственного производства. Лишь в одном пункте с осени 1995 г. они стали откровенными: никто больше не толковал о „всеобщей фермеризации“ или „окрестьянивании“ деревни. Напротив, заговорили напрямую о том, что реформа должна превратить одних крестьян в фермеров или сельских предпринимателей, а других отправить „в наемные работники к сельским предпринимателям или фермерам“. И еще более откровенно: реформаторам „нужны не арендаторы и батраки, а эффективные собственники“ – именно им все внимание и все средства⁷. Мы можем зафиксировать осень 1995 г. как время, когда постсоветские реформаторы открыто признали своей задачей „раскрестьянивания“ – ту самую задачу, которую пытался решить Столыпин...

Между тем время шло, а „троянский конь“, заложенный в скоро забытом указе от 27 октября 1993 г., не сработал. Крестьяне в массе своей не встали на путь реализации „свидетельств на право собственности на землю“, а в очень большом числе и не оформляли их. Не удалось разжечь страсть к легкой наживе и с помощью аукционных распродаж общественной собственности по „нижегородской модели“. Попыткой новой и, казалось, решительной реализации земельной реформы явился указ „О реализации конституционных прав на землю“ от 7 марта 1996 г. Органам государственного управления сверху донизу было предписано принять меры „к завершению в 1996 г. выдачи... собственникам земельных долей свидетельств на право собственности на земельные доли“; „заключение в течение 1996 г. договоров пользователей земельных участков... (колхозов и др. – В. Д.) со всеми собственниками

земельных долей, проводить разъяснительную работу среди сельского (!) населения о правах собственников земельных долей и способах их использования“, включающих не только передачу по наследству и выделение земельного участка в натуре для ведения собственного хозяйства, но и право „продать земельную долю, подарить.., обменять.., передать в аренду“ и т.п. Предписывалось, в частности, за один месяц со дня публикации указа, т.е. к 12 апреля, „направить всем собственникам земельных долей извещения о порядке получения ...свидетельств на право собственности на земельные доли...“. При практическом осуществлении этих прав органы власти обязываются „в месячный срок“ обеспечивать решение всех вопросов, связанных с выделением земельных долей. Затаенная угроза содержалась в определении времени сохранения за сельскохозяйственными организациями „невысвободившихся земельных долей, на которые не поступили заявления на получение свидетельств...“, двумя трехлетними сроками.

Указ снимал также какие бы то ни было ограничения в размерах концентрации сельскохозяйственных земель в одних руках. Пока это относилось к арендным землям, однако органам местной власти разрешалось скупать земельные доли „в целях пополнения фонда перераспределения земель и передачи (продажи) юридическим лицам и гражданам РФ для производства сельскохозяйственной продукции“ (без каких-либо ограничений в размерах земельной собственности).

Наконец, – и это, пожалуй, особенно интересно и важно, – специальный пункт Указа (7) разрешал „руководителям и специалистам сельскохозяйственных органов“, органов местного самоуправления и государственной власти, а также сельскохозяйственных организаций (колхозов, совхозов и др.) „получить земельные участки в собственность бесплатно для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства и использования в иных (!) целях...“, причем эти земельные участки, не ограничиваемые по размерам, могли формироваться „за счет свободных земельных паев (?) хозяйств и фонда перераспределения земель“⁸. Понятия „земельных паев хозяйств“ и „фонда перераспределения земель“ не были определены и давали возможность для полного бюрократического беспредела на местах. Сельхозэлите предлагалось объединяться в присвоении земельного фонда России. Приватизация земли приняла с этого времени характер открытого ее захвата кланом управляющих. Собственно говоря, она уже осуществлялась на практике и либеральная пресса определяла новую ситуацию в деревне довольно точно: „Посевная началась с земельного передела“⁹.

Дело, конечно, не в посевной кампании. Новые собственники земли, особенно из сельскохозяйственной администрации, отнюдь не становились фермерами. Они прекрасно знали, что за один 1995 г. разорилось более 60 тыс. фермеров, что около 10 млн гектаров сельскохозяйственных земель России уже оказались запущенными, не обрабатывались и зарастали сорняками и кустарниками...¹⁰

Со времени последней попытки форсировать переход к частной земельной собственности и частным формам производства в сельском хозяйстве прошло свыше пяти лет. Крестьяне не только не воспользовались правом выхода из „крупхозов“ (крупных хозяйств – бывших колхозов и совхозов) с землей и хозяйственным имуществом, но, напротив, оказали открытое сопротивление разрушению крупного общественного производства, увидев в этом полное и окончательное раскрестьянивание. Возникшие в небольшом числе частные хозяйства совсем не похожи на фермерские и не стали реальной альтернативой колхозно-совхозному производству. Их удельный вес в производстве сельхозпродукции в 1999 г. составлял всего 2,5%¹¹. Провал аграрной реформы не привел к разработке новых программ восстановления и развития сельскохозяйственного производства.

Можно было бы вспомнить и о помощи Запада в организации современных форм производства в сельском хозяйстве России. Недавно в печати появились сведения о проверке Счетной палатой расходования 240 млн долларов, выделенных Всемирным банком по проекту „АРИС“ в 1994 г. К концу 2001 г. из этой суммы было израсходовано 117 млн долларов (с дополнением из российского бюджета 11 млн долларов) главным образом на строительство оптово-розничных рынков и ярмарки „Российский фермер“, на невероятно щедрую оплату труда иностранных консультантов и российских участников проекта, а также на нецелевые кредиты частным предприятиям (общая сумма долга по кредитам такого рода составила 36,7 млн долларов). К перестройке сельскохозяйственного производства, а тем более к созданию „сильных фермерских хозяйств“ использование средств Всемирного банка отношения не имело. Фактически они ушли „в никуда“^{1 2}.

Бездумная, деструктивная политика реформаторов по-прежнему находила выражение в ограничении кредитов и материально-технического снабжения, усилении налогообложения, растаскивании земель и имущества. По сравнению с 1990 г. в России ныне производится не более половины сельскохозяйственной продукции. И это в относительно благополучные в природном отношении годы, без большой войны.

В феврале 2000 г. состоялось Всероссийское совещание по проблемам агропромышленного комплекса, на котором присутствовал тогда и.о. президент В.В.Путин. На совещании были оглашены некоторые сведения: размер капиталовложений в сельское хозяйство за минувшие 10 лет уменьшился в 20 раз, объемы производства „существенно сократились“ (наверное в большей мере, чем сообщается в официальной статистике), смертность в сельских регионах превышает рождаемость в полтора раза. „Это какие-то невероятные цифры!“ – сказал и.о. президента и отказался от чтения своего доклада^{1 3}, где, как можно полагать, спичрайтеры по традиции привели не столь ошеломляющие сведения.

Иногда можно слышать, что положительным результатом аграрной реформы является рост мелкого индивидуального производства (личные подсобные хозяйства колхозников и работников совхозов, садово-огородные участки горожан и проч.), ставшего очень заметным источником снабжения населения картофелем и овощами. По данным на 1999 г., индивидуальных земельных участков на территории Российской Федерации насчитывалось 34,7 млн., тогда как в 1927 г. число индивидуальных крестьянских хозяйств составляло всего 17 млн. Конечно, 70 лет назад крестьянские хозяйства давали почти 100% сельскохозяйственной продукции, теперь земельные клочки дают 57,2%^{1 4} (главным образом, картофель, овощи, мясо-молочные продукты). Нет ничего хорошего для развития общества в том, что каждый его член должен выращивать для себя и своей семьи картофель, овощи... Это своеобразное проявление „окрестьянивания“ является свидетельством откатывания общества назад.

* * *

Наметившиеся в 2000–2001 гг. сдвиги в лучшую сторону вселяют надежду на преодоление катастрофической ситуации в сельском хозяйстве России. Эти сдвиги связаны с признанием новым государственным руководством особого значения аграрной политики и пониманием приоритета крупного товарного производства, сохранившегося относительно больше в зерновых районах страны. В результате за 1999–2000 гг. заметно увеличилось производство тракторов и комбайнов, хотя еще не достигло уровня 1995 г., а посевные площади и поголовье скота, применение минеральных удобрений и потребление электроэнергии продолжали сокращаться^{1 5}. Тем не менее в 2001 г. впервые за десятилетие страна получила 80 млн тонн зерна, что превысило объем непосредственного потребления на предстоящий год^{1 6}. В этом

достижении, конечно, сыграли свою роль и исключительно благоприятные для зерновых культур погодные условия.

The Fortunes of Agriculture in Russia, 1861–2001

Abstract

Since the second half of the 19th century, it was agrarian reorganization which has become one of the main peculiarities of Russian history. It could have assumed the forms of either reforms or revolutions, but it tended to recommence approximately every two decades: the well-known „peasant reform“ of early 1860's; the legislation of Nicholas Ch.Bunge at the first half of the 1880's; the First Russian revolution (1905–1907) and the Stolypin reform (1906-1915) as its emanation; the Great agrarian revolution of 1917-1922; Stalin's collectivization in the early 1930's; the kolkhoz reforms of N.Khrushchev in the late 1950's and early 1960's, and finally the post-Soviet reform of Gorbachev-Yeltsin in the 1990's. This succession of major historical events can very well witness of an extreme morbidity of agrarian problem in Russia: so many times it had been declared finally settled though then it emerged even more painfully. That is why it's high time to consider in general the process of agrarian development of Russia of the latest one-and-a-half centuries.

The historical fortunes of the country of the second or even the third „echelon“ of the transformation to capitalism with all that social-and-economic backwardness doomed Russia to pass along the route of „catching-up“ development accelerating the role of the already hypertrophied state power. The course and outcome of the reforms in Russia to a great extent could be explained by the autocratic power pressing the society and badly limiting the possibility of spontaneous development. That is obvious that there has always been the greatest influence of, let's put it so, extraneous interests (those of the state, ruling strata, etc.) - they are extraneous concerning those tasks and goals which must be resolved by agrarian reforms. In this connection, we should first of all point out the fact that most of the reforms were forced by various political factors: military defeats, social conflicts, the lag in the „competition“ among the countries, these or those ideological aspirations – autocratic-and-patriarchal, socialist, or (what is characteristic for nowadays) liberally capitalist. It is not just too early to state that historical fetters of the Russian agriculture have been cast off - they have only become much harder.

Заметки:

- 1 Крестьянские требования 1901–1907 гг. широко освещались и в современной, и в исторической литературе. Тем не менее важно отметить научное значение документальной публикации Л.Т.Сенчаковой „Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. (М. 2000), как наиболее полной по составу и точной по воспроизведению текстов.
- 2 См.: *Данилов В.П.* Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. Проблемы истории русской общины. Вологда. 1976. С. 103–106.
- 3 См.: Анфимов А.М. Новые собственники (из столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М. 1996. С. 64–65, 80–81.
- 4 См.: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М. 2000.
- 5 О работе комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы см.: *Данилов В.П.* Из истории „перестройки“. (Переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Новый мир истории России. Сб. статей. М. 2001. С. 420–428.
- 6 См.: Госкомстат РФ. Россия в цифрах. 1995. Краткий статистический справочник. М. 1995. С. 230–245. Госкомстат РФ. Российский статистический сборник. М. 1996. С. 557–572.
- 7 См.: Финансовые известия. 1995. 22 августа; Независимая газета. 1995. 10 октября; и др.
- 8 Российская газета. 1996. 12 марта.
- 9 См.: Российская газета. 1996. 19 апреля.
- 10 Там же.
- 11 Госкомстат РФ. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М. 2000. С. 362.
- 12 Независимая газета. 2001. 19 декабря.
- 13 Независимая газета. 2000. 12 февраля.
- 14 Госкомстат РФ. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М. 2000. С. 362, 369.
- 15 Госкомстат РФ. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М. 2000. С. 371–372, 382, 617; Госкомстат РФ. Промышленность России. Статистический сборник. М. 2000. С. 203.
- 16 Независимая газета. 2001. 11 октября. Интервью министра сельского хозяйства РФ А. В. Гордеева.